

АКТУАЛЬНЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья/ Original article

УДК 349.6

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.124-139>

Уровень преступности в сфере экономики как показатель состояния экономической безопасности Российской Федерации

Ю.И. Селивановская

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

JSelivanovskaya@mail.ru

Аннотация

Предметом анализа в настоящей статье является уровень преступности в экономической сфере, также обсуждается возможность определения его порогового и критического значений. С учетом того, что обеспечение экономической безопасности является одной из основных задач государства, ее реализация предполагает регулярную оценку состояния защищенности национальных интересов страны. При оценке экономической безопасности используется, как правило, индикативный метод, предполагающий установление пороговых и критических значений для различных показателей. Отмечается, что одним из показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации является уровень преступности в сфере экономики, а высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере представляет угрозу для экономической безопасности нашего государства. Сделан вывод о том, что установить как пороговое, так и критическое значение для названного показателя не представляется возможным, так как количественные характеристики преступности в экономической сфере не свидетельствуют об уровне обеспеченности экономической безопасности государства.

Ключевые слова: уровень преступности, коэффициент преступности, экономическая безопасность, оценка экономической безопасности

Для цитирования: Селивановская Ю.И. Уровень преступности в сфере экономики как показатель состояния экономической безопасности Российской Федерации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 3. С. 124–139. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.124-139>.

Economic crime rate in the Russian Federation as an indicator of its economic security

J.I. Selivanovskaya

Kazan Federal University, Kazan, Russia

JISelivanovskaya@mail.ru

Abstract

This article examines key characteristics of economic crime rate, putting emphasis on the possibility of establishing its threshold and critical values. Robust economic security policy should be considered one of the top priorities of any state, and ensuring it requires continuous assessment of how well national interests are fulfilled and balanced. Among various approaches to the assessment of economic security level and threats, the indicator-based method, which involves setting threshold and critical values for specific indicators, has been widely used. The study shows that Russia's economic security policy is much determined by the frequency and severity of criminal activities aimed at obtaining financial profit and demands increased attention to corruption and criminalization in order to avoid lackluster results. However, quantitative metrics of economic crimes alone are insufficient to reliably assess the state's economic security level. Therefore, neither threshold nor critical values can be assigned to this parameter.

Keywords: crime rate, crime index, economic security, economic security assessment

For citation: Selivanovskaya J.I. Economic crime rate in the Russian Federation as an indicator of its economic security. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2025, vol. 167, no. 3, pp. 124–139. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.3.124-139>. (In Russian)

Введение

Понятие «экономическая безопасность государства» появилось сравнительно недавно. Рождение данного термина связывают с именем Ф. Рузвельта, который впервые использовал словосочетание «национальная экономическая безопасность». Экономическая безопасность государства как явление стало изучаться в нашей стране в середине 90-х годов XX в. В это время приходит понимание того, что обеспечение состояния защищенности экономических интересов может быть важнее экономического роста. Б.А. Райзберг писал, что «обеспечение экономической и финансовой устойчивости, требующее значительных усилий и затрат, в сегодняшней ситуации важнее темпов экономического роста и даже роста доходов и благосостояния» [1, с. 660]. Государство сталкивается с явлениями, которые способны повлиять на состояние защищенности национальных экономических интересов, и эти явления не всегда из области экономики, а могут носить управленческий, правовой, природно-техногенный характер.

В 2017 г. Указом Президента РФ была утверждена Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (Источник 1) (далее – Стратегия), которая определила вызовы и угрозы экономической безопасности нашего государства на современном этапе развития. В частности, к таковым относится высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере (подп. 25 п. 12). Мониторинг и оценка состояния экономической безопасности Российской Федерации осуществляются с помощью показателей

состояния экономической безопасности, перечень которых содержится в Стратегии, но может уточняться и дополняться. Угроза экономической безопасности Российской Федерации в виде высокого уровня криминализации и коррупции в экономической сфере оценивается с помощью показателя, обозначающего уровень преступности в сфере экономики (подп. 40 п. 27 Стратегии). В научной литературе встречаются разные подходы к пониманию термина «криминализация» [2; 3], однако в контексте Стратегии экономической безопасности РФ под криминализацией, скорее, понимаются преступность либо совершение преступлений в экономической сфере. Если следовать данной гипотезе, то угрозой экономической безопасности государства является высокий уровень преступности в экономической сфере.

Что касается коррупции в экономической сфере как угрозы экономической безопасности государства, то авторы Стратегии справедливо разделили уровень криминализации и уровень коррупции, сделав их самостоятельными видами угроз. С одной стороны, коррупция, а точнее коррупционная преступность, представляет собой традиционный вид преступности, Е.Е. Тонков полагает, что «коррупция является признаком криминализации власти» [4]. С другой же стороны, согласно Федеральному закону 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (Источник 2), коррупция – это более широкое понятие, так как включает в себя не только преступную деятельность. В соответствии со ст. 13 ФЗ «О противодействии коррупции» за совершение коррупционных правонарушений физические лица несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако, в отличие от уровня криминализации в экономической сфере, который оценивается с помощью показателя «уровень преступности в сфере экономики», показатель для определения уровня коррупции в сфере экономики в Стратегии не указан. Для оценки обозначенного параметра можно по аналогии воспользоваться формулой расчета уровня (коэффициента) преступности. Тогда уровень коррупции будет рассчитываться на определенное количество жителей как отношение количества всех зарегистрированных коррупционных правонарушений, совершаемых физическими лицами, к общей численности населения. Однако данная система расчета будет иметь два явных дефекта (противоречия). Во-первых, субъектами коррупционных правонарушений могут быть не только физические лица, но и юридические. Во-вторых, не существует официальной статистики гражданско-правовых коррупционных деликтов и дисциплинарных коррупционных проступков.

На уровне мирового сообщества все государства ранжируются по показателю распространности (воспринимаемому уровню) коррупции в государственном секторе (Corruption Perceptions Index), который рассчитывается Международной неправительственной организацией Transparency International по собственной методике экспертных оценок и опросов предпринимателей. Индекс восприятия коррупции официально публикуется только с 1995 г. Его использование возможно для оценки уровня коррупции России в целом.

Конечно же, в Российской Федерации нужна собственная внутригосударственная методика для оценки уровня коррупции в сфере экономики, которая может учитывать различные показатели: количество зарегистрированных коррупционных преступлений, число зарегистрированных коррупционных административных проступков, восприятие коррупции в обществе (метод экспертных оценок и опрос общественного мнения), средний размер взятки и коммерческого подкупа и т.д. При этом расчет должен производиться

в относительных величинах для правильной оценки состояния защищенности национальных экономических интересов.

Таким образом, трактовка угрозы, прописанной в подп. 25 п. 12 Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г., как высокого уровня (коэффициента) преступности и высокого уровня коррупции в сфере экономики представляется правильным, однако возникает вопрос, что понимать под их высоким уровнем и как оценить защищенность экономической безопасности от этой угрозы.

1. Материалы и методы

В ходе исследования были использованы следующие методы: историко-правовой, формально-логический, системно-структурный, конкретно-социологический и статистический, метод сравнительного правоведения и др.

Состояние (уровень) экономической безопасности (обеспеченности экономической безопасности) оценивается, как правило, с помощью индикативного метода. Суть его заключается в сопоставлении фактических показателей (индикаторов) с заранее установленными значениями, именуемыми пороговыми. Отклонение от порогового значения (в зависимости от вида показателя отклонение может быть как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения) свидетельствует о возникновении угрозы экономической безопасности. Существуют попытки разграничить понятия «показатель» и «индикатор» экономической безопасности, однако абсолютное большинство ученых признает их синонимами.

В научной литературе описываются различные способы определения пороговых значений для показателей экономической безопасности государства. Так, довольно часто используется метод экспертных оценок. В ряде случаев можно заимствовать опыт зарубежных стран. В.В. Криворотов, А.В. Калина и И.С. Белик предлагают применять специальные тематические методы [5].

При определении уровня (коэффициента) преступности используется статистический метод. Уровень преступности характеризуется не общим количеством совершенных преступлений, а рассчитывается в относительных величинах¹. Ряд авторов не разделяет понятия «уровень преступности» и «коэффициент преступности» [6, с. 44; 7, с. 44]. Другие же полагают, что уровень и коэффициент преступности синонимами не являются, а уровень преступности измеряется коэффициентом (индексом) преступности [8]. В рамках настоящего исследования понятия «уровень преступности» и «коэффициент преступности» будут использоваться как равнозначные.

2. Результаты и их обсуждение

На сегодняшний день благодаря использованию различных методик в научной литературе приводятся пороговые значения по основным индикаторам экономической безопасности. В частности, выделяют «индикаторы, характеризующие преступность и напряженность криминогенной ситуации, в том числе: общий уровень преступности (число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 000 человек населения) – не более 1600 случаев / 100 000 чел. населения, распространенность преступлений против личности – не более 150 случаев / 100 000 чел. населения, уровень преступности среди несовершен-

¹ Коэффициент преступности определяется в расчете на определенное количество жителей страны (например, 10000 человек), рассчитывается по формуле: количество преступлений, поделенное на общее количество жителей и умноженное на 10 000 человек.

нолетних – не более 1 600 случаев / 100 000 чел. населения подросткового возраста» [5; 9]. Стоит обратить внимание на тот факт, что данные показатели просто констатируются, не подвергаются анализу, не проводится методика расчета. Кроме того, показателем оценки состояния экономической безопасности Российской Федерации является уровень преступности в сфере экономики (подп. 40 п. 27 Стратегии), а не уровень преступности в целом, преступности несовершеннолетних и преступлений против личности, в связи с чем представляется маловероятным, что данные пороговые значения и индикаторы могут быть использованы в настоящее время.

В 2018 г. было утверждено Положение об организации в Министерстве экономического развития России работы по мониторингу и оценке состояния экономической безопасности Российской Федерации (Источник 3), в соответствии с которым в целях методологического единства и преемственности механизмов мониторинга на федеральном, отраслевом и региональном уровнях Министерство во взаимодействии с участниками мониторинга экономической безопасности разрабатывает паспорта показателей экономической безопасности. Паспорт должен включать название и характеристику показателя, а также в том числе и прогнозно-целевое, плановое и предельно допустимое (критическое) значения показателя.

К сожалению, на сегодняшний день паспорта показателей экономической безопасности Российской Федерации не разработаны и не утверждены. Однако весной 2019 г. Министерство экономического развития РФ подготовило проект распоряжения, которым должны утверждаться паспорта показателей экономической безопасности РФ. В соответствии с данным проектом целевое значение уровня преступности в сфере экономики должно было составлять 5 инцидентов (на 10 000 человек трудоспособного возраста), критическое значение – 20 инцидентов (Источник 4). Данный документ не приобрел юридическую силу и не был опубликован, в связи с чем нет возможности ознакомиться с методикой и обоснованием расчета данного показателя. Но даже сама терминология, используемая Минэкономразвития РФ, вызывает сомнения. Например, что понимать под числом инцидентов – количество зарегистрированных преступлений, количество обвинительных приговоров, количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности, или что-то иное? Почему уровень преступности рассчитывается на количество человек трудоспособного возраста? В соответствии с Методикой определения возрастных групп населения к лицам моложе трудоспособного возраста относятся лица в возрасте 0–15 лет, к населению в трудоспособном возрасте относятся лица в возрасте от 16 лет до достижения возраста, дающего право на страховую пенсию по старости (Источник 5). Необходимо отметить, что возраст трудоспособности не соответствует возрасту, достижение которого позволяет привлекать к уголовной ответственности. Кроме того, в связи с проведением пенсионной реформы на основании Федерального закона № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (Источник 6) количество человек трудоспособного возраста в период данной реформы ежегодно изменяется вне зависимости от изменения социально-экономических показателей.

При этом в экономической науке данный показатель и его пороговое значение вопросов не вызывают. Например, А.А. Кайгородцев пишет: «Согласно данным Росстата, в период с 2010 по 2016 г. количество зарегистрированных преступлений уменьшилось на 18,8 %, а в пересчете на 100 тыс. человек населения страны – на 20,1 %. В 2016 г. на каждые 100 тыс.

чел. населения приходилось 1 471 зарегистрированное преступление. Этот показатель в 3.9 раза меньше порогового уровня экономической безопасности, равного 5000, что, наряду с тенденцией к сокращению количества преступлений, свидетельствует о способности государства успешно противостоять данной угрозе нанесения ущерба экономическим интересам страны» [10].

Действительно, когда мы говорим о расчете уровня преступности в относительных величинах по классической формуле, достигается цель обеспечения сопоставимости показателей разных субъектов Российской Федерации (регионов) в один и тот же промежуток времени. А если уровень преступности рассчитывается в разные годы, то снижение или увеличение показателя может быть связано, например, с изменением законодательства (криминализация и декриминализация деяний). И в таком случае снижение или увеличение уровня преступности не будет свидетельствовать о превышении или, наоборот, недостижении порогового значения показателя экономической безопасности, а следовательно, и об уровне обеспечения защищенности экономической безопасности России от данной угрозы.

Сегодня все чаще стали встречаться идеи использования математических методов в исследовании преступности в целях оценки уровня экономической безопасности Российской Федерации [11]. Применение математических методов и моделей допустимо и даже целесообразно в исследовании не преступности самой по себе, а влияния различных факторов на уровень преступности, определения закономерностей развития преступности, взаимной обусловленности угроз экономической безопасности Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, использование математических методов и законов для выявления порогового значения такой угрозы экономической безопасности, как уровень преступности и коррупции, довольно проблематично.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации указано, что угрозой экономической безопасности является высокий уровень преступности и коррупции в сфере экономики. Значит, следуя правилам формальной логики, невысокий уровень (можно назвать его средним, низким и т.д.) преступности и коррупции подобной угрозой не является. Однако этот тезис противоречит сути преступности как совокупности общественно опасных деяний. Материальным признаком преступления является его общественная опасность, способность причинять существенный вред (ущерб) или ставить под угрозу причинения существенного вреда (ущерба) общественные отношения. Следует согласиться с тем, что понятия «вред» и «ущерб» синонимами не являются, однако их различия применительно к пониманию общественной опасности преступления принципиального значения не имеют [12]. Ряд авторов отмечает, что «общественная опасность может трактоваться как возможность негативных изменений в обществе или общества, возможность негативных последствий, вреда, причиняемых обществу, или же, наоборот, как продуцируемая обществом возможность негативных изменений в нем же или возможность негативных последствий для членов и не членов общества, для государства, для природных объектов, для мира и безопасности человечества и т. д.» [13]. Таким образом, общественная опасность экономических преступлений заключается в причинении ущерба экономическим интересам государства, общества, физических и юридических лиц. Угроза же экономической безопасности Российской Федерации в соответствии со Стратегией – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере. Следовательно, любое преступление в сфере экономики является угрозой национальным экономическим интересам нашего государства, а не

только их большое количество (высокий уровень преступности), как указано в Стратегии. Пороговым значением для показателя «уровень преступности» должно быть значение, равное нулю, а любое другое значение, отличное от нуля, является угрозой экономической безопасности Российской Федерации. Не может факт наличия преступности, пусть и на низком уровне, свидетельствовать о защищенности экономических интересов. В противном случае, установив пороговое значение для уровня преступности в любом положительном значении, государство должно признать преступную деятельность нормой, а не угрозой для государства и его безопасности, а отсюда вытекает вывод, что и бороться с ней не следует, либо следует, но в определенных рамках, установив пороговый уровень борьбы с преступностью, что противоречит здравому смыслу. При этом стоит отметить, что ряд явлений, например инфляция, безработица, теневая экономика, имеют как отрицательные последствия для экономики государства (и, следовательно, могут выступать угрозами его экономической безопасности), так и положительные. В связи с приведенным утверждением целесообразно устанавливать пороговые значения для показателей подобных угроз. Так, уровень инфляции, превышающий нормативное (пороговое) значение, будет свидетельствовать об угрозе экономической безопасности государства, а если критическое значение не превышено, то негативные последствия инфляции не настолько велики, чтобы угрожать национальным экономическим интересам. У экономической же преступности, как у преступности в целом, плюсов нет, что также подтверждает невозможность установления критического для состояния защищенности экономики России значения данного показателя.

На уровень экономической преступности влияет также и уровень ее латентности². Общепризнанной является позиция, согласно которой «современный уровень исследований не позволяет сказать, в чем причина роста экономической преступности: то ли это действительно рост преступности, то ли снижение числа латентных преступлений» [14, с. 368]. Существуют различные теории исследования и методики подсчета скрытой преступности («закон постоянных соотношений» А.Ж. Кетле, исследования-самоотчеты, опросы населения в целом, опросы жертв преступлений, анализ статистики медицинских учреждений, анализ отчетов кредитных и страховых организаций и т. д.), однако ни одна из них не является официально признанной. В криминологических исследованиях отмечается, что, когда по данным официальной статистики преступность растет, повышение ее зафиксированного уровня может быть как подлинным, так и кажущимся. Установить же истинность спада или подъема уровня преступности без выявления скрытой ее составляющей невозможно [15, с. 143–146]. Например, высокий уровень зарегистрированной преступности в каком-либо отдельном регионе (субъекте Российской Федерации) может означать чрезмерную расположенность его жителей к доносам, эффективность работы полиции, что может свидетельствовать о сокращении уровня ее латентности. И наоборот, эффективная предупредительная работа государства может привести как к снижению уровня преступности (как зарегистрированной, так и латентной), так и к тому, что количество зарегистрированных преступлений будет снижаться, а сфера скрытой преступности будет расширяться.

Таким образом, такие показатели преступности, как ее состояние (общее количество зарегистрированных преступлений одного вида в определенный период времени на опреде-

² Латентная преступность – скрытая, невыявленная или незарегистрированная преступность; в зарубежных странах это явление называют также «темная цифра».

ленной территории) и уровень (коэффициент), являются величинами непостоянными. Это еще раз доказывает невозможность их использования при оценке уровня обеспеченности экономической безопасности Российской Федерации индикативным методом через установление порогового значения безопасности в данной сфере.

На рис. 1 представлена динамика выявленных преступлений экономической направленности (по окончанным и приостановленным уголовным делам) в 2013–2024 гг., по данным Министерства внутренних дел РФ (Источник 7).

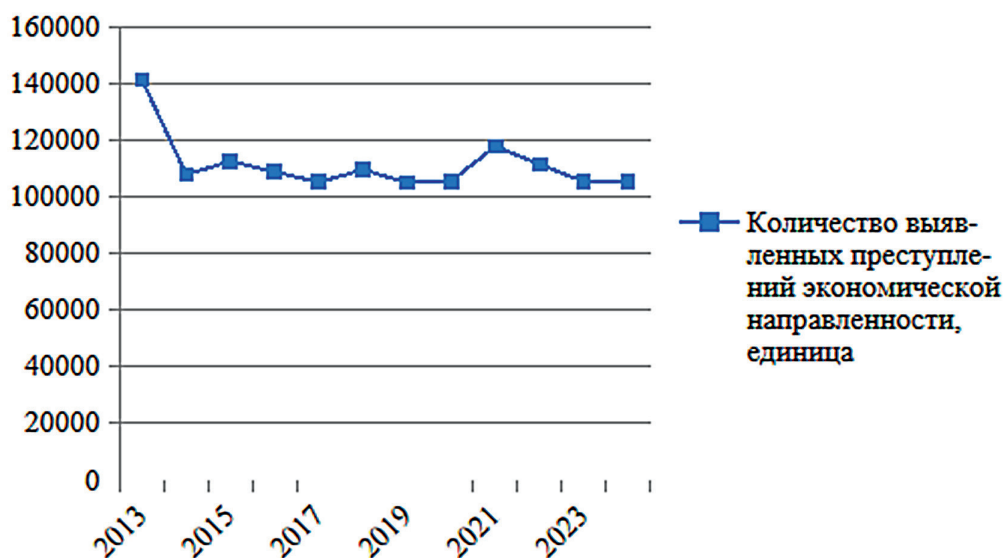

Рис. 1. Количество выявленных преступлений экономической направленности в Российской Федерации в 2013–2024 гг.

Fig. 1. The statistics of identified economic crimes in the Russian Federation over 2013–2024

Если сравнивать количественные показатели выявленных преступлений экономической направленности в Российской Федерации с коэффициентом преступлений экономической направленности в эти же временные отрезки (рис. 2), то динамика сохраняется.

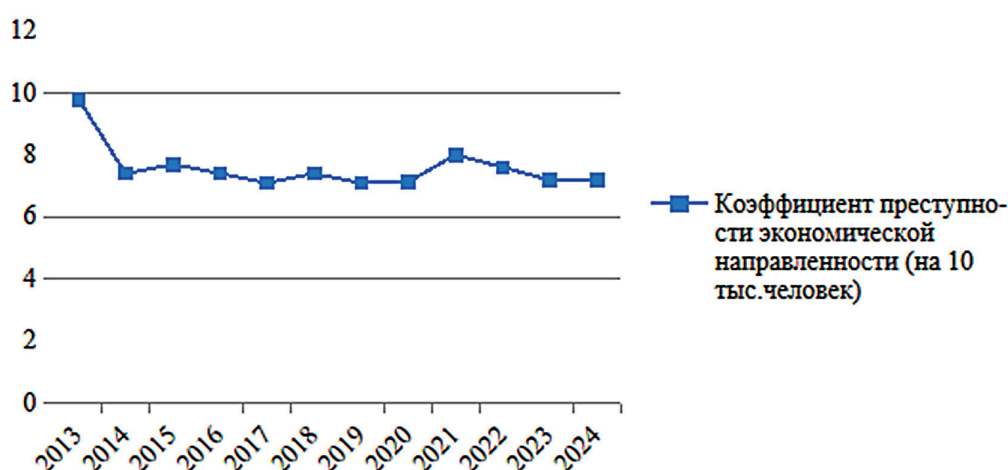

Рис. 2. Динамика коэффициента преступности экономической направленности в Российской Федерации в 2013–2024 гг.

Fig. 2. The dynamics of economic crime index in the Russian Federation over 2013–2024

Следует отметить, что, по данным Росстата, в исследуемый период до 2019 г. наблюдается общий прирост населения³ (рис. 3). Однако он не влияет на динамику коэффициента преступности экономической направленности в сравнении с динамикой выявленных преступлений экономической направленности.

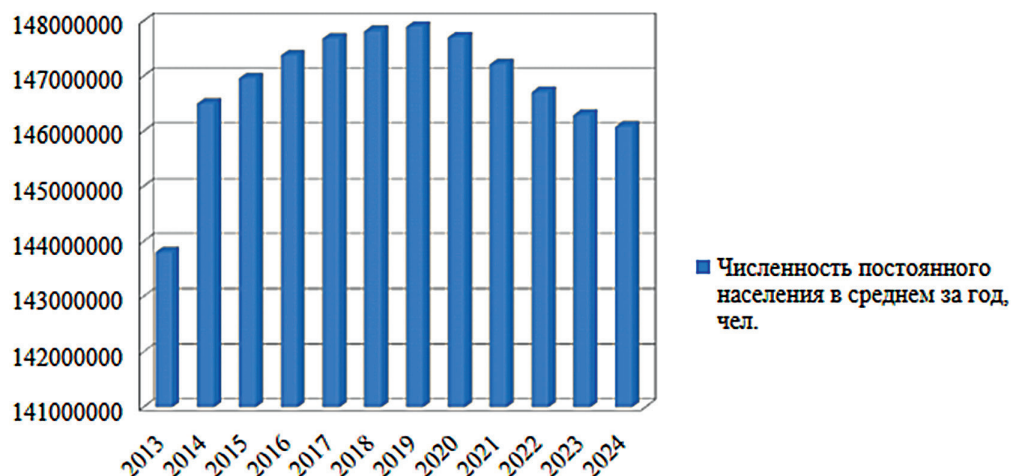

Рис. 3. Численность постоянного населения Российской Федерации в среднем за год в 2013–2024 гг. (Источник 8)

Fig. 3. Annual average resident population of the Russian Federation over 2013–2024 (Source 8)

Самые высокие показатели за исследуемый период (как количество выявленных преступлений, так и коэффициент преступности) приходятся на 2013 г. Однако, согласно данным Росстата, за последние 20 лет только в 2013–2015 гг. наблюдался естественный прирост населения (превышение смертности рождаемостью), который зависит от множества факторов: условия жизни, условия труда, уровень развития здравоохранения, питание и т. д. Несмотря на то, что Стратегия экономической безопасности РФ не устанавливает естественный прирост населения в качестве показателя экономической безопасности, в литературе он рассматривается как показатель безопасности социально-экономического развития [16; 17]. Если исходить из того, что естественный прирост населения (любое значение коэффициента выше нуля) свидетельствует о состоянии защищенности экономических интересов государства, то за исследуемый период именно 2013–2015 гг. были самыми благополучными по данному демографическому показателю. Однако эти же годы являются едва ли не самыми неблагоприятными с точки зрения уровня криминализации экономической сферы.

В связи с полученным выводом интерес представляет и анализ других показателей экономической безопасности Российской Федерации в исследуемый период. Одними из главных показателей состояния экономической безопасности любого государства, свидетельствующих о его экономическом росте, являются показатели ВВП, в том числе рост ВВП. В проекте Министерства экономического развития РФ 2019 г. целевое значение данного показателя определялось на уровне 4 %, а критическое значение для национальных экономических интересов – 1.5 %. Эти же значения используются в литературе для оценки состояния защищенности экономической безопасности РФ по темпам экономического роста [5; 9; 10; 18].

³ Общий прирост населения складывается из естественного и механического прироста. Естественный прирост населения – это разница между количеством рождений и смертей за определённый промежуток времени. Механический прирост – это разница между количеством иммигрантов и эмигрантов.

На рис. 4 представлены индексы физического объема валового внутреннего продукта Российской Федерации (выраженные в процентах по отношению к данным предыдущего года) в 2013–2024 гг.

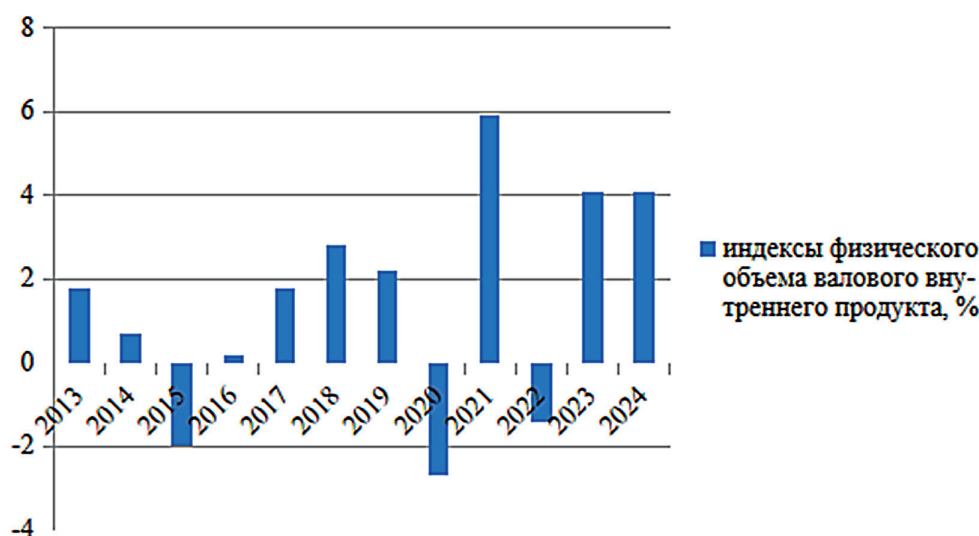

Рис. 4. Индексы физического объема валового внутреннего продукта Российской Федерации в 2013–2024 гг.

Fig. 4. Indices of real gross domestic product in the Russian Federation over 2013–2024

Самый высокий прирост ВВП за исследуемый период приходится на 2021 г. (5.9 %), то есть данный показатель превысил как пороговое (критическое) значение, так и целевое, что свидетельствует о довольно высоком уровне экономической безопасности РФ в указанном году. Помимо официальных статистических данных Росстата, информация о ВВП Российской Федерации и его процентном изменении по сравнению с предыдущим годом зафиксирована и Международным валютным фондом⁴. Несмотря на то, что представленные данные отличаются, по данным МВФ, в 2021 г. также наблюдается самый высокий прирост ВВП – на 4.749 % (Источник 9). В том же 2021 г. зафиксирован один из наиболее высоких уровней преступности экономической направленности за исследуемый период и самый высокий за последние десять лет (8.0). При этом существуют исследования, согласно которым уровень преступности обратно пропорционален росту ВВП [18]. Ухудшение социально-экономических условий, уровня жизни населения (снижение ВВП, занятости населения, рост безработицы) приводит к росту общественного напряжения и, как следствие, к увеличению количества совершаемых преступлений. Однако в данном случае сформулированное правило не работает. С точки зрения уровня обеспеченности экономической безопасности в последние 10 лет 2021 г. для нашего государства является самым «положительным» по темпу прироста ВВП и самым неблагоприятным по уровню криминализации. Высокому уровню преступности в 2021 г. есть объяснения: влияние пандемии, сильный миграционный отток и т. д., но данный факт подтверждает, что сам по себе уровень (коэффициент) преступности (криминализации) не свидетельствует о низком или высоком уровне обеспеченности экономической безопасности государства.

Еще одним показателем состояния экономической безопасности государства является отношение дефицита федерального бюджета к ВВП. В проекте паспорта показателей экономической безопасности 2019 г., разработанном Министерством экономического развития

⁴ Данные представлены до 2021 г. включительно.

РФ, планировалось установить пороговое значение для данного показателя в размере 2.1 %. Несмотря на это, за период с 2013 по 2024 г. критическое значение показателя «Дефицит федерального бюджета к ВВП, %» превышено только три раза (табл.), в научной литературе предлагается установить пороговое значение для него в размере 3 % [10; 18], а иногда даже 4 % [5]. В качестве основного аргумента выдвигается несоответствие показателя в 2.1 % так называемым Маастрихтским критериям⁵, согласно которым дефицит государственного бюджета не должен превышать 3 % ВВП.

Табл. Отношение дефицита федерального бюджета к ВВП

Table Federal budget deficit to GDP ratio

Год	Размер ВВП, млрд руб. (Источник 10)	Дефицит/профицит федерального бюджета, тыс. руб. (Источники 11–21)	Дефицит федерального бюджета к ВВП, %
2013	72 985.7	-322982155.4	0.44
2014	79 030.0	-34695415.3	0.42
2015	83 087.4	-1961009630.5	2.4
2016	85 616.1	-2956406148.7	3.5
2017	91 843.2	-1331388239.4	1.4
2018	103 861.7	2741366321.6	0
2019	109 608.3	1974279325.6	0
2020	107 658.1	-4102464528.9	3.8
2021	134 727.5	524277152.4	0
2022	156 941.0	-3294522457.7	2.1
2023	176 413.9	-3229797267.8	1.8
2024	200 039.5	-3485 млрд руб. (Источник 22)	1.7

Как видно из табл. 1, самый низкий за исследуемый период уровень обеспеченности экономической безопасности РФ по критерию отношения дефицита федерального бюджета к ВВП наблюдается в 2016 и 2020 гг., когда явного роста коэффициента преступности экономической направленности не выявлено. В 2021 же году, когда уровень преступности был одним из самых высоких, федеральный бюджет был исполнен вообще без дефицита.

Обратимся еще к одному индикатору экономической безопасности России, относящемуся к показателям уровня и дифференциации доходов населения, – доле граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (подп. 27 п. 27 Стратегии). В соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 ноября 2021 г. № 2049 начиная с 1 января 2021 г. данный показатель именуется «Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности» (до 2020 г. включительно – «Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума») (Источник 23). В литературе чаще используется пороговое значение для данного показателя, равное 7 % [8; 9], ряд авторов указывает 7 % в качестве целевого значения, а в качестве критического – 10 % [19]. Президент РФ в своем ежегодном послании Федеральному Собранию в феврале 2024 г. отмечал: «Хочу повторить: проблема бедности по-прежнему острая. Сейчас она прямо затрагивает более девяти процентов населения страны. Нужно поставить четкие цели и последовательно двигаться к их достижению: добиться, чтобы к 2030 г. уровень бедности в России стал ниже семи процентов» (Источник 24).

⁵ Маастрихтские критерии (критерии конвергенции) – финансово-экономические показатели страны, необходимые для вступления страны в Европейский валютный союз.

В связи с приведенными сведениями показатель в 7 % следует рассматривать скорее как целевой, чем пороговый.

Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) определяется на основе данных о распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов и является результатом их соизмерения с границей бедности (величиной прожиточного минимума) в абсолютных значениях или в процентах от общей численности населения. Динамика численности населения Российской Федерации в 2013–2023 гг. с денежными доходами ниже границы бедности в процентах по отношению к общей численности населения представлена на рис. 5.

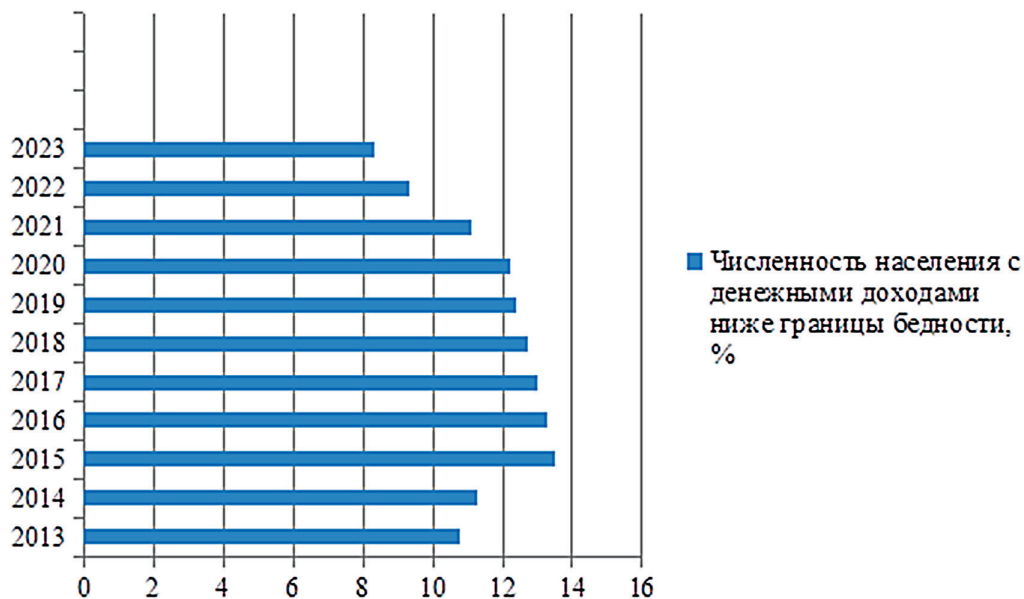

Рис. 5. Численность населения Российской Федерации в 2013–2023 гг. с денежными доходами ниже границы бедности

Fig. 5. Population of the Russian Federation in 2013–2023 with incomes below the poverty line

С 2015 г. в Российской Федерации наблюдается устойчивый спад уровня бедности, однако уровень в 7 % за исследуемый период достигнут не был. Данные по итогам 2024 г. Росстатом еще не представлены, но в третьем квартале 2024 г. численность населения с доходами ниже границы бедности составила 8 % жителей страны. По сравнению с третьим кварталом 2023 г. численность населения с доходами ниже границы бедности уменьшилась на 1.4 процента (Источник 25). Исходя из представленных данных, уровень обеспеченности экономической безопасности по данному показателю довольно низкий, но ситуация с каждым годом улучшается. Показатели «уровень преступности в экономической сфере» и «численность населения с доходами ниже границы бедности» имеют разную динамику, установить закономерность между их изменениями невозможно, несмотря на то что снижение уровня бедности населения должно приводить и к снижению уровня преступности. Однако можно предположить, что, хотя повышение уровня жизни граждан в целом оказывает положительное влияние, существуют и другие факторы воздействия и прямой пропорциональной зависимости между снижением уровня бедности и спадом преступности нет.

Заключение

Количественные характеристики преступности в экономической сфере (как абсолютные величины, так и относительные в виде коэффициента преступности) не свидетельствуют о

защищенности либо незащищенности национальных экономических интересов, об уровне обеспеченности экономической безопасности государства. Установить пороговое (критическое) значение для данного показателя не представляется возможным. Любое значение показателя «уровень преступности в сфере экономики», превышающее ноль, свидетельствует об угрозе экономической безопасности Российской Федерации. А с учетом латентности экономической преступности и коррупции показатель, даже равный нулю, не будет свидетельствовать об отсутствии угрозы экономической безопасности, так как преступления могут совершаться и причинять ущерб, но не выявляться и не регистрироваться государством.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- Источник 1 – Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собр. законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
- Источник 2 – Федеральный закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 8 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
- Источник 3 – Приказ Минэкономразвития России от 3 окт. 2018 г. № 532 «Об организации в Минэкономразвития России работы по мониторингу и оценке состояния экономической безопасности Российской Федерации» (ред. от 4 февр. 2019 г.) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/72272840/>, свободный.
- Источник 4 – Минэкономразвития определило критичные для безопасности РФ значения макропоказателей // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/656619>, свободный.
- Источник 5 – Приказ Росстата от 17 июля 2019 г. № 409 «Об утверждении методики определения возрастных групп населения» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-17072019-n-409-ob-utverzhdenii-metodiki/>, свободный.
- Источник 6 – Федеральный закон от 3 окт. 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (ред. от 29.10.2024) // СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6190.
- Источник 7 – Состояние преступности в Российской Федерации // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/dejatelnost/statistics>, свободный.
- Источник 8 – Общий прирост постоянного населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>, свободный.
- Источник 9 – World Economic Outlook Database // Официальный сайт Международного валютного фонда. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October/weo-report?c=922,&s=NGDP_RPCH,NGDPD,PPPGDP,NGDPDPC,PPPPC,PCPIPCH,LUR,LP,GGXWDG_NGDP,&sy=1990&ey=2026&ssm=0&scsm=1&scc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=&br=1, свободный.
- Источник 10 – Валовый внутренний продукт (в текущих ценах, млрд.руб.) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>, свободный.
- Источник 11 – Федеральный закон от 8 июля 2024 г. № 161-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2023 год» // СЗ РФ. 2024. № 29 (ч. I). Ст. 4090.
- Источник 12 – Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 329-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2022 год» // СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. I). Ст. 5755.

- Источник 13 – Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 249-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2021 год» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. I). Ст. 5216.
- Источник 14 – Федеральный закон от 25 окт. 2021 г. № 361-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2020 год» // СЗ РФ. 2021. № 44 (ч. I). Ст. 7351.
- Источник 15 – Федеральный закон от 15 окт. 2020 г. № 314-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2019 год» // СЗ РФ. 2020. № 42 (ч. I). Ст. 6501.
- Источник 16 – Федеральный закон от 16 окт. 2019 г. № 332-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2018 год» // СЗ РФ. 2019. № 42 (ч. I). Ст. 5797.
- Источник 17 – Федеральный закон от 11 окт. 2018 г. № 354-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2017 год» // СЗ РФ. 2018. № 42 (ч. I). Ст. 6368.
- Источник 18 – Федеральный закон от 16 окт. 2017 г. № 287-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2016 год» // СЗ РФ. 2017. № 43 (ч. I). Ст. 6221.
- Источник 19 – Федеральный закон от 31 окт. 2016 г. № 377-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2015 год» // СЗ РФ. 2016. № 45 (ч. I). Ст. 6196.
- Источник 20 – Федеральный закон от 5 окт. 2015 г. № 276-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2014 год» // СЗ РФ. 2015. № 41 (ч. I). Ст. 5630.
- Источник 21 – Федеральный закон от 4 окт. 2014 г. № 280-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2013 год» // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. I). Ст. 5311.
- Источник 22 – Предварительная оценка исполнения федерального бюджета за 2024 г. // Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39570-predvaritelnaya_otsenka_ispolneniya_federalnogo_byudzheta_za_2024_god&ysclid=m7nq7zibrq464478093, свободный.
- Источник 23 – Постановление Правительства РФ от 26 нояб. 2021 г. № 2049 «Об утверждении Правил определения границ бедности в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, используемых в оценках показателя “Уровень бедности” в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, и о внесении изменений в Федеральный план статистических работ» (ред. От 16 дек. 2023 г.) // СЗ РФ. 2021. № 49 (ч. I). Ст. 8238.
- Источник 24 – Послание Президента Федеральному Собранию от 29 февр. 2024 г. // Рос. газ. 2024. 1 марта (№ 46).
- Источник 25 – Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в III квартале 2024 года // <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/250335>, свободный.

Литература

1. Райзберг Б.А. Курс экономики: учебник / Б.А. Райзберг, Е.Б. Стародубцева; под ред. Б.А. Райзберга. М.: ИНФРА-М, 2022. 686 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.12737/1568>.
2. Номоконов В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 438–446. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).438-446](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).438-446).
3. Скворцова О.В., Лаговская Е.В. Криминализация и декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности // Учен. зап. КФУ им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 98–108.
4. Тонков Е.Е. Коррупция как признак криминализации власти // Криминологический журнал БГУЭП. 2011. № 3. С. 50–58.
5. Криворотов В.В., Калина А.В., Белик И.С. Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности российской федерации на современном этапе // Вестн. УрФУ. Сер. экономика и управление. 2019. Т. 18, № 6. С. 892–910. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.6.043>.
6. Антонян Ю.М. Криминология. М.: Логос, 2004. 447 с.
7. Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии. М.: Юрист, 2005. 188 с.

8. Фомин С.А. Криминологические характеристики преступности и основные показатели характеристик преступности, ее отдельных групп и видов на современном этапе // Вестн. СибЮИ МВД России. 2018. № 1 (30). С. 94–103.
9. Калина А.В., Савельева И.П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. 2014. Том 8, № 4. С. 15–24.
10. Кайгородцев А.А. Оценка экономической безопасности Российской Федерации // Вестник МФЮА. 2018. № 3. С. 9–21.
11. Гортинченко К.Н., Власенко С.К., Черникова И.А., Сытко С.Э. Факторный анализ уровня экономической преступности в Российской Федерации // Вестник ААЭП. 2023. № 6-1. С. 28–35. <https://doi.org/https://doi.org/10.17513/vaael.2854>.
12. Мартыненко Н.Э. Понятия «вред» и «ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Акад. управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 103–109.
13. Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).124-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140).
14. Криминология: слов.-справ. / Х.-Ю. Кернер (сост.); пер. с нем. В.Н. Кигас; отв. ред. пер. на рус. яз. А.И. Долгова. М.: Норма, 1998. VIII, 391 с.
15. Шнайдер Г.Й. Криминология / Пер. с нем. Ю.А. Неподаева; под ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М.: Прогресс: Универс, 1994. 501 с.
16. Сенков В.А., Домничев Д.Ю. Оценка угроз экономической безопасности в демографической сфере Российской Федерации // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 3. С. 1065–1084. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.3.118254>.
17. Сильченкова С.В. Демографическая безопасность региона в контексте экономической безопасности // Экономический журнал. 2018. № 4 (52). С. 22–38.
18. Караваева И.В., Иванов Е.А., Лев М.Ю. Паспортизация и оценка показателей состояния экономической безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 8. С. 2179–2198. <https://doi.org/10.18334/epp.10.8.110705>.
19. Ольков С.Г. Связь преступности с инфляцией, безработицей, ставкой налогообложения и экономическим ростом // Учен. зап. КФУ им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. 2021. Т. 7 (73). № 3. Ч. 1. С. 192–200. [https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3\(1\)-192-200](https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-192-200).

References

1. Reisberg B.A., Starodubtseva E.B. *Kurs ekonomiki: uchebnik* [Economics Course: A Textbook]. Reisberg B.A. (Ed.). Moscow, INFRA-M, 2022. 686 p., suppl. mater. URL: <https://doi.org/10.12737/1568>. (In Russian)
2. Nomokonov V.A. On the criminogenic nature of Russian criminal policy. *Vserossiiskii Kriminologicheskii Zhurnal*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 438–446. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).438-446](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).438-446). (In Russian)
3. Skvortsova O.V., Lagovskaya E.V. Criminalization and decriminalization of economic crimes. *Uchenye Zapiski KFU imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie Nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 4, pp. 98–108. (In Russian)
4. Tonkov E.E. Corruption as a sign of criminalized power. *Kriminologicheskii Zhurnal BGUEP*, 2011, no. 3, pp. 50–58. (In Russian)
5. Krivorotov V.V., Kalina A.V., Belik I.S. Threshold values of economic security indicators of the Russian Federation at the current stage. *Vestnik UrFU. Seriya Ekonomika i Upravlenie*, 2019, vol. 18, no. 6, pp. 892–910. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.6.043>. (In Russian)
6. Antonyan Yu.M. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Logos, 2004. 447 p. (In Russian)
7. Kudryavtsev V.N. *Lektsii po kriminologii* [Lectures on Criminology]. Moscow, Yurist", 2005. 188 p. (In Russian)

8. Fomin S.A. Criminological characteristics of crime and their basic indicators, individual groups and types of crime at the current stage. *Vestnik SibYuI MVD Rossii*, 2018, no. 1 (30), pp. 94–103. (In Russian)
9. Kalina A.V., Savel'eva I.P. Establishing threshold values of economic security indicators in Russia and its regions. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Ekonomika i Menedzhment*, 2014, vol. 8, no. 4, pp. 15–24. (In Russian)
10. Kaigorodtsev A.A. Assessing economic security in the Russian Federation. *Vestnik MFYuA*, 2018, no. 3, pp. 9–21. (In Russian)
11. Gorpichenko K.N., Vlasenko S.K., Chernikova I.A., Sypko S.E. Factor analysis of economic crime rate in the Russian Federation. *Vestnik AAEP*, 2023, no. 6-1, pp. 28–35. <https://doi.org/10.17513/vaael.2854>. (In Russian)
12. Martynenko N.E. The concepts of “harm” and “damage” and their assessment in criminal law. *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii*, 2020, no. 2 (54), pp. 103–109. (In Russian)
13. Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Khutov K.M. Public danger of crime: Concept and verification criteria. *Pravoprimerenie*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 124–140. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).124-140](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140). (In Russian)
14. Kerner H.-J. (Comp.) *Kriminologiya: slov.-sprav.* [Criminology: A Reference Dictionary]. Kigas V.N. (Trans.), Dolgova A.I. (Ed.). Moscow, Norma, 1998. viii, 391 p. (In Russian)
15. Schneider H.J. *Kriminologiya* [Criminology]. Nepodaev Yu.A. (Trans.), Ivanov L.O. (Ed.). Moscow, Progress, Univers, 1994. 501 p. (In Russian)
16. Senkov V.A., Domnichev D.Yu. Assessing threats to economic security in Russia's demographic sector. *Ekonomicheskaya Bezopasnost'*, 2023, vol. 6, no. 3, pp. 1065–1084. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.3.118254>. (In Russian)
17. Sil'chenkova S.V. Demographic security of the region in the context of economic security. *Ekonomicheskii Zhurnal*, 2018, no. 4 (52), pp. 22–38. (In Russian)
18. Karavaeva I.V., Ivanov E.A., Lev M.Yu. Certification and assessment of Russia's economic security indicators. *Ekonomika, Predprinimatel'stvo i Pravo*, 2020, vol. 10, no. 8, pp. 2179–2198. <https://doi.org/10.18334/epp.10.8.110705>. (In Russian)
19. Ol'kov S.G. Correlation of crime with inflation, unemployment, tax rate, and economic growth. *Uchenye Zapiski KFU imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie Nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pt. 1, pp. 192–200. [https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3\(1\)-192-200](https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-192-200). (In Russian)

Информация об авторе

Селивановская Юлия Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: JISelivanovskaya@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7118-2372>

Author Information

Julia I. Selivanovskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Economic Security and Taxation, Kazan Federal University

E-mail: JISelivanovskaya@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7118-2372>

Поступила в редакцию 27.04.2025

Принята после рецензирования 21.05.2025

Принята к публикации 09.06.2025

Received April 27, 2025

Revised May 21, 2025

Accepted June 9, 2025